

*Посвящается маме, папе и всем чернокожим детям,
которые когда-нибудь сомневались,
достаточно ли они хороши для этого мира.
Вполне!*

ОТ АВТОРА

Пожалуйста, обратите внимание: эта книга содержит сцены умеренного самочленовредительства (в воображении), насилия в рамках фэнтези, эмоциональных и физических издевательств, смерти родителей героев, а также животных. Я старалась подойти к этим темам со всей возможной чуткостью, но если вам кажется, что такого рода сцены могут вызвать у вас слишком тяжелые чувства, — будьте осторожны.

1

МАЛИК

— Абраа! Абраа! Придите и внимлите — начинаю рассказ! Голос сказительницы из числа гриотов¹ звенел в раскаленном воздухе пустыни, оглашая загоны для осликов и богато украшенные караваны, которые расположились палаточным лагерем перед Западными воротами города-государства Зиран. Инстинктивно Малик вытянулся на этот зов и крепче сжал ремень дорожной сумы у себя на груди.

Лицо сказительницы — крупной, дородной женщины ростом ниже Малика почти на голову — ослабилось в широкой, обнажавшей зубы улыбке. На каждом дюйме ее темно-коричневой кожи вились татуировки цвета слоновой кости. Значения символов, в которые они сплетались, Малик не знал.

— Абраа! Абраа! Собирайтесь, придите и внимлите — начинаю рассказ!

Вскоре к этим выкрикам прибавилась мерная дробь джембе², и уже через несколько минут под баобабом, где стояла рассказчица, собралась толпа. Для рассказа подошло лучшее время, когда сумерки встречаются с ночью: последние солнечные лучи еще окрашивают небосклон, а мир под ним погружается во тьму. Люди расселись кто куда — на пере-

¹ У многих народов Западной Африки — представители особой касты певцов, музыкантов и сказочников. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

² Д ж е м б е — западноафриканский традиционный ритуальный барабан в форме кубка с открытым низом и широким верхом.

вернутые клетки, между изношенных телег, и все поминутно бросали взгляды на небо, ожидая, не появится ли там Комета Баии, хотя до ее прибытия — и, значит, начала Праздника Солнцестоя — оставалось еще много часов.

Раздался третий призыв сказительницы, и Малик сделал шаг по направлению к ней. Затем еще один. Когда зиранцы захватили его родные места в Эшранских горах, гриоты ушли первыми, но те немногие, что остались, затронули сердце Малика. Послушаешь такого сказителя — и перед тобой открывается целый новый мир, где великие герои вместе с духами танцуют на небесных путях и боги одним движением запястья воздвигают и оживляют могучие горы. Все естество Малика, казалось, само собой, помимо его воли, словно в трансе, тянулось вперед, на соблазнительный голос рассказчицы.

Вместе с сестрами юноша два месяца провел в пути по Оджубайской пустыне, где не слышал ничего, кроме скрипа фальшивого днища повозки, под которым они прятались, заываний ветра в песках и тихих стонов товарищей по несчастью — таких же беженцев. Вреда не будет, если теперь он послушает один — всего один рассказ, если хоть на несколько минут отвлечется, забудет, что больше нет родного дома, что некуда вернуться, что негде...

— Малик, назад! Берегись!

Чья-то сильная рука схватила его за воротник, и он невольно сделал шаг назад. Буквально в следующий миг на то место, где юноша только что стоял, опустилась нога, покрытая грубой кожей, размером с небольшую корову. Гигантская тень скользнула по лицу Малика — мимо, разбрасывая с каждым грохочущим шагом волны песка и камешков, неуклюже проковыляло чипекве¹.

¹ Ч и п е к в е (буквально в переводе с языка бемба) — чудовище. Криптид — неизвестное науке животное, якобы обитающее в некоторых водоемах Центральной Африки. Своего рода африканское лох-несское чудовище.

Истории о чипекве он слышал еще в раннем детстве, но все же не представлял себе истинных колоссальных размеров этих существ. Их специально разводили для охоты на слонов в саванне, и, в чем он теперь убедился, серебристой «бронированной» макушкой это чудище легко пробило бы крышу усадьбы у них на старой ферме, а острый рог на окончании носа размерами едва ли не превосходил его самого, от головы до пят.

— Тебе что, жизнь надоела? — рявкнула старшая сестра Лейла, когда тень чипекве наконец ушла дальше вместе с ее обладателем, и уставилась на брата поверх своей искривленной переносицы. — Смотри, куда идешь!

Реальный мир стал потихоньку вливаться в глаза и уши Малика словно каплями из ржавого рукомойника, и волшебный зов сказительницы потонул в хриплых криках караванщиков, понукавших свой тягловый скот, в напевах музыкантов, уже потчевавших публику мелодичными байками о Солнцестоях былых времен, и прочих звуках палаточного лагеря. Несколько зевак остановились поглазеть на юного дурня, который так замечтался, что чуть не позволил себя затоптать, и под тяжестью этих насмешливых взглядов лицо Малика залилось краской. Он натянул потертый кожаный ремень от сумы, и тот до боли впился ему в кисть. Противные тени всё плясали и плясали в уголках глаз: парень зажмурился так, что в голове зашумело.

— Прости, — тихо пробормотал он.

Тут из-за Лейлиной спины высунулась маленькая головка в облаке жестких темных кудрей.

— Нет, вы его видели?! — Рот младшей сестры Нади был всё еще раскрытым от изумления. — Оно же... Да в нем, наверное, миллион метров! Оно что, тоже пришло на Солнцестой? А погладить его можно?

— Ну, надо думать, все, кто оказался на Солнцестое, пришли на Солнцестой. А прикосаться руками нельзя ни к

чему и ни к кому, — отрезала Лейла и опять повернулась к Малику: — А ты лучше всех должен понимать, что не стоит витать в облаках.

Юноша снова сжал ремень. Его старшей сестрице смысла нет и пытаться объяснить, что такое зов сказителя и какую власть он имеет над его сердцем. Малик сызмальства был мечтательным, Лейла всегда опиралась на логику и расчет. Что и говорить, под разными углами смотрят они на мир.

— Прости, — повторил Малик, твердо уставившись в землю. Оттуда на него «взирали» измятые сандалии и выгоревшие на солнце ступни, покрытые волдырями от многомесячных скитаний в обуви, для таких скитаний вовсе не предназначенной.

— О, Патую благословенный, дай мне сил! Таскать за собой вас двоих — все равно что пару безголовых цыплят пастить!

Малик поморщился. Если Лейла поминает своего божественного покровителя, значит, она здорово разозлилась.

Лейла протянула Малику левую ладонь с сияющей эмблемой Лунной Сизигии¹.

— Ну, пошли. Пока на тебя слон ненароком не уселся.

Надя хихикнула. Малик вспыхнул от этого замечания, но послушно взял старшую сестру за руку, а другую протянул младшей. Надя тут же за нее ухватилась.

И они двинулись сквозь толпу в десятки тысяч человек, явившихся в Зиран на Солнцестой. В лагерь за городскими стенами беженцы стекались сотнями, и каждый день дюжинами прибывали новые — так что очередные трое, пусть даже юные и без взрослых, не привлекали особого внимания.

— Солнцестой афешийя! Солнцестой афешийя!

Отовсюду, не умолкая, неслись возгласы и славословия на языке более древнем, чем сам Зиран. Через несколько ча-

¹ Сизигия — в астрономии выравнивание трех или более астрономических тел в пределах Солнечной системы на одной прямой.

сов на экран ночного неба ворвется — и останется там на целую неделю — великая комета, названная в честь первой зиранской султанши. Ее появление знаменует конец текущей эпохи и начало новой. Семь дней народ будет отмечать это событие, известное под названием Солнцестой; и семь победителей — от каждого из семи Божественных покровителей по одному — должны пройти три испытания. Они выявят победителя победителей, который от имени своего Бога станет править наступающей эпохой.

«Представь: это как если бы все празднества, и все маскарады, и все карнавалы мира проходили одновременно в одном месте, — сказала как-то Малику Нана. И хотя сейчас бабушка находилась в каком-то отдаленном лагере беженцев, за сотни километров от него, он почти физически чувствовал на щеках тепло ее натруженных, сморщенных коричневых рук и видел черные глаза, светящиеся знанием, постичь которое ему вряд ли суждено. — Но даже если представить себе это, все представления — ничто в сравнении с одним часом, проведенным в гуще Солнцестоя».

Лейла шла не особенно быстро, но все равно уже через несколько минут по спине Малика всюду струился пот, а дыхание сбилось. Долгие странствия оставили от его и без того изможденного тела, можно сказать, один остов, и теперь, под неумолимым солнцем пустыни, с каждым шагом пурпурно-зеленые пятна всё сильнее расплывались и плясали перед его глазами.

Путь их лежал к шести одинаковым деревянным помостам, установленным на широкой расчищенной площадке, — там зиранские стражники и воины проверяли каждого, кто направлялся в город. Все помосты были вдвое больше обычных караванных повозок. Купцы, беженцы и просто путешественники толпились вокруг них, стремясь миновать пропускные пункты, привлекая к себе как можно меньше внимания.

— Купцы и группы по пять человек и больше — направо!

Частные лица и группы меньше четырех — налево! — возглашал один из стражников.

Зиранских воинов в характерных серебристо-бордовых доспехах вокруг него кружило предостаточно, однако Дозорных Малик среди них не видел. Отлично — когда поблизости нет элиты зиранских войск, это всегда к лучшему.

Парень задрал голову и посмотрел на город впереди. Размеры Зирана, в отличие от размеров чипекве, народная молва не преуменьшила. Внешняя стена простиралась вдаль, пока хватало глаз, лишь у самой линии горизонта постепенно превращаясь в подобие сверкающего миража. Семь древних крепостных уровней из песчаника и саманного кирпича возвышались над жалким палаточным лагерьем. Западные ворота зияли в массиве красного кирпича огромной подковообразной пастью.

Чтобы получить от прибывающих побольше монет, многочисленные продавцы всякого добра устанавливали вдоль дороги в город свои прилавки и наперебой надсадно соблазняли проходящих мимо предложениями — одно заманчивей другого. Товары на всякий вкус так и сыпались из их «закромов»: эбонитовые молитвенные статуэтки Великой Матери и семи Божественных покровителей, роги из слоновой кости, в которые трубить можно громче слона, оглушительно звенящие амулеты от недружественных духов и темного народца... Впрочем, эти последние изделия посетители, напивавшие на торговые места, если и смотрели, почти не покупали; всякому ребенку понятно: сверхъестественных существ, известных под собирательным прозвищем «темного народца», не существует, это всё персонажи ночных страшилок, не более. Малик по своему опыту знал: «колдовство» и «чары» ни на кого не действуют, а зачастую и вызывают на коже самого «колдуна» позеленение и зуд.

Мысль о темном народце, впрочем, заставила парня лишний раз оглянуться через плечо — на всякий случай, но по-

зади никого, кроме людей, конечно, не оказалось. Ну что ж такое... Надо ему наконец расслабиться и прекратить это ребячество: вести себя так, словно воображаемая «нечистая сила» готова напасть на него в любую минуту. Сейчас важнее всего пробраться в Зиран по поддельным пропускам, которые лежат в его суме. Потом они с Лейлой найдут какую-нибудь работу — на Солнцестой всегда открываются тысячи вакансий — и заработают денег на новые поддельные пропуска, уже для мамы и Наны.

А что, если не получится?

От этой мысли у Малика перехватило дыхание, и тени в уголках глаз заплясали снова. Мир перед глазами опять начал расплываться. Он опустил веки и принялся повторять мантру, которой мать научила его много лет назад, когда приступы паники явились ему впервые.

Дышать. Ощущать момент. Твердо стоять на земле.

Они ведь не привлекали к себе ничего внимания, ни на кого не поднимали глаз, ни с кем не заговаривали. Значит, все должно быть в порядке. Это просто толпа. Она его не убьет, не покалечит. Это ничего, что ладони стали липкими от пота, а сердце рвется прочь из груди.

— Эй! — Надя свободной рукой потянула Малика за штанину и указала пальцем на тряпичную козу, чья голова торчала из-под ее собственной выцветшей джеллабы¹. — Геге спрашивает: если в следующий раз чипекве тебя все-таки раздавит, твой мешок достанется мне?

Малик, преодолевая бурлящий в поджилках страх, улыбнулся:

— Геге плохо на тебя влияет. Не слушай ее.

— Геге так и знала, что ты это скажешь, — вздохнула Надя с той всепоглощающей серьезностью, на какую способны только шестилетки, и брат рассмеялся, чувствуя, как к

¹ Д ж е л л а б а — традиционный берберский свободный халат с остроконечным капюшоном и пышными рукавами.